

**Семантико-синтаксический статус обращения
и его эмоционально-оценочный потенциал**

Л. П. Водясова

*Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева,
г. Саранск, Российская Федерация,
LVodjasova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается один из семантико-синтаксических компонентов предложения – обращение, организующий речевую деятельность человека. Актуальность темы определяется тем, что этот компонент предложения до настоящего времени недостаточно изучен в финно-угорском языкознании.

Цель: описание семантико-синтаксического статуса обращения, определение его эмоционально-оценочного потенциала.

Материалы исследования: синтаксические единицы эрзя-мордовского языка, содержащие в своём составе обращения.

Результаты и научная новизна. В результате проведённого исследования выявлено, что главными признаками обращения являются обращённость к адресату речи и вокативность. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые представлен развёрнутый анализ семантико-синтаксической характеристики обращения в одном из мордовских языков – эрзянском, описана его роль в создании эмоциональности высказывания. Определено, что в структурном отношении этот компонент предложения может быть одиночным или распространённым (в качестве одиночного обращения или опорного слова распространённого выступает имя существительное в форме номинатива единственного или множественного числа); в семантическом отношении наблюдается разнообразие обращений, при этом выбор лексических средств их оформления зависит от характеристики коммуникативной ситуации. Указывается, что целью обращения может быть не только привлечение внимания собеседника, но и выражение отношения к нему говорящего лица. В этом случае звательная функция заглушается, и на первое место выступает оценочность. С помощью обращения усиливается эмоциональная выразительность речи, ей придаётся экспрессивность.

Ключевые слова: обращение, вокативность, семантико-синтаксический статус, эмоционально-оценочный потенциал.

Для цитирования: Водясова Л. П. Семантико-синтаксический статус обращения и его эмоционально-оценочный потенциал // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 616–623.

Semantic and syntactic status of address and its emotional and evaluative potential

L. P. Vodyasova

*Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev,
Saransk, Russian Federation,
LVodjasova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article considers one of the semantic-syntactic components of a sentence – an address that organizes human speech activity. The relevance of the theme is determined by the fact that this component has not yet been sufficiently studied in Finno-Ugric linguistics.

Objective: description of the semantic-syntactic status of an address, analysis of its emotional and evaluative potential.

Research materials: syntactic units of the Erzya-Mordovian language containing addresses in their composition.

Results and novelty of the research: as a result of the study, it was revealed that the main signs of an address are addressing the addressee of speech and vocativeness. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time it presents a detailed analysis of the semantic-syntactic characteristics of an address in one of the Mordovian languages – the Erzya. It describes its role in creation of the emotionality of speech. It has been determined that, structurally, this component of a sentence can be single or extended (a noun in the form of a nominative of singular or plural acts as a single address or a prop word); semantically, there is a variety of addresses, while the choice of lexical means of their forming depends on the characteristics of the communicative situation. It is indicated that the purpose of an address can be not only to attract the attention of the interlocutor, but also to express the attitude of the speaker towards him. In this case, the vocative function is drowned out and evaluativeness comes first. With the help of an address, the emotional expressiveness of speech is enhanced, it is given expressiveness.

Key words: address, vocativeness, semantic-syntactic status, emotional and evaluative potential.

For citation: Vodyasova L. P. Semantic and syntactic status of address and its emotional and evaluative potential // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (4): 616–623.

Введение

В создании коммуникативных ситуаций, в частности в установлении контакта между общающимися, важнейшую роль играет обращение. Оно, являясь одной из необходимых составляющих речевого общения, представляет собой особую единицу, посредством которой привлекается внимание слушающего, демонстрируется сложный регистр отношений между участниками коммуникации, даётся характеристика адресанта и адресата.

Как известно, обращение – это слово или сочетание слов, называющее лицо или предмет, к которому обращена речь. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой оно квалифицируется как «употребление существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных или эквивалентных им словосочетаний для называния лиц или предметов, к которым обращена речь» [3, 276]. По мнению мордовского лингвиста М. Н. Коляденкова, обращение – это «слово, обозначающее лицо или другой предмет, к которому обращена речь в данном предложении» [10, 243]. С ним солидарны и авторы современного учебника по мордовскому синтаксису [18, 131]. С точки зрения Р. А. Микушева, это самостоятельная категория со специфической звательной интонацией [11, 16].

М. Т. Кодирова уверена, что основная функция обращения заключается в подготовке адресата к получению информации [21]. Согласно А. И. Казаковой, оно призывает сосредоточить внимание на предмете сообщения, выполнить приказ, требование, запрет, просьбу, совет, выслушать рекомендацию, ответить на поставленный вопрос [9]. Д. А. Штеллинг также указывает, что в плане содержания обращение – это «зов, призыв, сигнал говорящего, его намерения, называя адресата, привлечь к себе внимание, установить контакт с ним для последующего сообщения или побуждения к действию» [17, 66].

Интересные замечания в отношении обращения делает А. Т. Баянова. Она, на наш взгляд, совершенно правомерно утверждает, что этот компонент предложения тесно связан с национальной картиной мира, являющейся основой мировоззрения, целостного и органичного взгляда на мир определённой национальной общности. По мнению автора, особенности менталитета народа, специфические национально-культурные черты, свойственные этнокультурному сообществу людей, накладывают особый отпечаток и

на характер обращений, существующих в языке [4]. С А. Т. Баяновой солидарна А. А. Антонова, отмечающая, что не смотря на универсальность обращения, в каждой языковой культуре данный феномен представлен различными формулами, которые наделены исключительными особенностями и характеристиками, влияющими на успешность коммуникации [19; 20].

В последнее время исследователи проявляют достаточно большой интерес к речевому этикету. Как известно, самой употребительной языковой единицей, связанной с этикетными клише, является обращение к собеседнику. Так, обращение, выступающее в качестве значимого компонента речевого этикета, получило подробное описание в работе А. А. Акишиной и Н. И. Формановской [1]. О роли обращения как средстве языка, организующем речевую деятельность человека, говорят и Т. П. Арискина, А. И. Фомина, М. В. Мосин. В своей работе исследователи представляют специфику употребления неофициальных форм обращения в родственных финно-угорских языках. Материалом для исследования авторам послужил текст мордовского эпоса «Масторава» и его перевод на венгерский язык [2].

Ряд исследователей в семантической структуре обращения выделяют два признака – обращённость к адресату речи и вокативность. Об этом в своё время говорил ещё А. А. Потёбня. Учёный был уверен, что эти признаки определяются специфическим «грамматическим свойством – способностью номинации в позиции обращения соотноситься со вторым лицом» [12, 10]. В российском финно-угроведении в двуплановости обращения не сомневается Н. И. Рузанкин [13]. Мы также солидарны с исследователями и считаем, что следует различать две разновидности обращения: 1) обращения, выполняющие свою основную функцию – звательную и 2) обращения во вторичной, эмоционально-оценочной, функции, подчёркивающей отношение к адресату.

Материалы и методы

Методологическую базу нашего исследования составили труды по синтаксису финно-угорских учёных. Материалом для анализа послужили синтаксические единицы, содержащиеся в своём составе обращения. Они отобраны методом сплошной выборки из текстов мордовских авторов, пишущих свои произведения на эрзянском языке. Общий корпус выделенных нами для анализа языковых единиц составил более

1500 предложений. В статью введены те из них, которые наиболее ярко демонстрируют описываемый факт.

В качестве основного метода определён описательный. Используются также методы семантического анализа и сплошной выборки, а также метод обобщения и систематизации полученных результатов исследования.

Результаты

Обращения обычно употребляются в языке художественной литературы при передаче прямой речи, в диалогической, ораторской, деловой речи (в призывах, воззваниях, требованиях и пр.). Выполняя идентифицирующую функцию, обращение воздействует на собеседника, побуждая его стать исполнителем действия. К его синтаксическим особенностям следует отнести то, что оно не является членом предложения и не связано с другими членами предложения. В последние годы, правда, стали появляться работы, в которых данное утверждение подвергается сомнению. Так, например, Ф. Г. Галлямов вслед за Н. Ю. Шведовой считает, что обращение – полноценный член предложения, но, в отличие от других членов, оно связывается с предложением особой интонацией, относительными словами (местоимениями), которые употребляются в различных грамматических формах и синтаксических функциях [8]. Мы же придерживаемся постулатов классической (традиционной) лингвистики и уверены, что обращение – это самостоятельный элемент предложения, в составе которого может занимать различное положение. Если обращение стоит в начале предложения *Эрзянь ломанть! Пурнавтано раськень од толпадянтъ перька* (Числав Журавлёв) ‘Эрзяне (букв.: эрзянские люди)! Соберёмся вокруг нового родового костра’, то произносится с так называемой звательной интонацией, т. е. более высоким тоном, с усиленным ударением и более протяжно. Именно у препозитивного обращения в наибольшей степени проявляется контактоустанавливающая функция. Семантические приращения могут трансформировать обращение в начале предложения в вокативное предложение: *Седейнем... корминецькем, – таго Наташа педлейкс педясь эйзэнзэ. – Натъ, туют? Натъ, кадсамак?* (Т. Раптанов) ‘Сердечко [моё]... кормилец [мой], – снова Наташа пиявкой пристала к нему. – Значит, уедешь? Значит, оставишь [меня]’. В середине предложения на обращение

делается несильное ударение, оно произносится с интонацией вводности и чаще всего употребляется для оживления разговора: *Алтак, алтак, Вереназ, сюнав эрямо* (А. Доронин) ‘Обещай, обещай, Всевышний, богатую жизнь...’. В конце предложения обращение произносится с ослабленной звательной интонацией: *Потмось чаво, Акай. Эряволь пейтемс* (К. Абрамов) ‘Внутри пусто, Акай. Надо [бы] заполнить’. В стилистическом отношении конечное обращение обычно нейтрально, но в вопросительных и восклицательных предложениях оно может получать усиленное ударение: *Маримек, Аристарх Авдеич?!* (А. Куторкин) ‘Услышал [меня], Аристарх Авдеич?!’. Как видно из примеров, звательная словоформа направлена на слушающего. Называя адресата, она устанавливает или поддерживает с ним контакт. Это своего рода сигнал о начале речевого акта или высказываемом волеизъявлении.

Важностью в речевой деятельности обусловлено семантическое разнообразие обращений [22]. Как указывает Н. И. Формановская, в коммуникативных процессах это одна из наиболее распространённых единиц общения, «несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [15, 83]. В каждом конкретном случае говорящий, обращаясь к кому или чему-либо, использует различные типы обращений. Это могут быть: 1) собственные имена; 2) слова, обозначающие родственные и дружеские отношения; 3) названия лиц по признакам пола и возраста, по положению в обществе, роду занятий, национальному и возрастному признаку, профессии; 4) клички животных; 5) названия предметов и явлений неживой природы, отвлечённых понятий (в этом случае обращения имеют характер олицетворения). Исследуя обращения, обозначающие клички животных, нельзя не обратиться к статье С. С. Сибатровой, в которой автор анализирует междометные обращения к свиньям и поросёнкам как одну из семантических групп обращений к животным, выполняющих, по её мнению, функцию побудительных междометий [14, 63]. В целом же, выбор лексических средств оформления этого компонента предложения зависит от характеристики коммуникативной ситуации. К числу факторов, побуждающих участников к общению и определяющих их речевое поведение, прежде всего, относятся: а) отношения между адресантом и адресатом по возрасту (гендерные, родственные, социальные, служебные: старший, равный, младший) и / или

социальному положению (свой, чужой; знакомый, незнакомый) и др.; б) обстановка общения: официальная, неофициальная; в) способ общения: контактный, дистантный; г) цель общения: привлечение внимания, поддержание речевого контакта, выражение отношения к собеседнику, намерение в дальнейшем обратиться с просьбой, пожеланием, извинением и др.; д) тональность общения: уважительная, учтивая, почтительная, шутливая, официальная, просительная, покровительственная и др.

Основным средством выражения обращения выступает имя существительное в форме номинатива единственного числа основного склонения: **Кусляйкин!** *Тонь эйсэ Иван Петрович терди* (Н. Ишуткин) ‘Кусляйкин! Тебя Иван Петрович зовёт’; *Васов кучнят, аля, кулят* (А. Куторкин) ‘Далеко посылаешь, парень, новости’; *Вай, иля пува, варма* (С. Люлякина) ‘Ох, не дуй, ветер’; *Мекс тон, вирь, чатьмоня?* (Никул Эркай) ‘Что ты, лес, молчишь?’. Реже используется форма множественного числа: **Эйкакит, садо монь ваксс, ванан, пекенк, вачсть** (Числав Журавлев) ‘Дети, подойдите, ко мне, смотрю, проголодались’; *Арась, тейтерть, мон зярдоак тыненк а учован* (А. Куторкин) ‘Нет, девушки, вам меня не дожидаться’. Кроме основного склонения, обращение часто используется и в форме притяжательного. В его структуру включается суффикс притяжательности 1-го лица (-м при одном обладателе и одном обладаемом: **Тень минь, тейтернем, содасынек, – пикадсь каршонзо Павол** (К. Абрамов) ‘Это мы, дочка, знаем, – ответил [ей] Павол (Павел)’; -н/-нь при одном обладателе и множестве обладаемых: **Кирдажон, кирдажон, / Кирдажон, ялган-оян!** / *Мекс истя кирвазан, / Мекс сал поколь ары кирьгазон, / Зярдо тынк эйтэ ёвтнян* (Д. Надькин) ‘Однокашники, однокашники, / Однокашники, друзья-товарищи! Отчего так загораюсь, / Отчего кусок соли встает в горле, / Когда о вас рассказываю’; -нок/-нек при нескольких обладателях и одном или нескольких обладаемых: **Велень паро покитянок! / Ошонь превей бабанок!** *Ютадоя икелев...* (В. Радаев) ‘Деревенские хорошие [наши] дедушки! Городские умные [наши] бабушки! Проходите-ка вперед...’). Встречаются также формы с суффиксом притяжательности 3-го лица -зо/-зэ (один обладатель и одно обладаемое): *Мезть лавгат, Рамкониизэ?* – *прась Улянь валтнэнь трокс мизолдыця Евла* (А. Куторкин) ‘Зачем врешь, [его] жена Рамко (Романа)? –

перебила Улю улыбающаяся Евла (Евлалия)’. Гораздо реже в функции обращения употребляется форма номинатива указательного (определённого) склонения. Имя существительное с морфемой определённости – имя индивидуализирующее, поэтому его использование зависит от ряда факторов ситуационного и синтаксического характера. Чаще всего, это обращение к лицам, являющимся единственными в своём роде для какого-то круга людей и выделяемым какой-либо определённой ситуацией. Обращение в этом случае содержит в своей структуре суффикс определённости единственного числа -сь: **Эрь, Каргонь канось!** *Озатано миньгак покитятнень марто вейсэ* (М. Брыжинский) ‘Ну, Журавлиное племя! Сядем и мы вместе с дедами’ или множественного числа -тне/-тнэ: **Аватне, ютадо икелев** ‘Женщины, пройдите вперед’. Обращение может быть выражено и субстантивированными словами: *Эй, тосо, удалцетне!* – *ранги Чигирёв, – мезень базар кепедиде?* (В. Коломасов) ‘Эй, там, задние! – кричит Чигирёв, – что за базар устроили (букв.: подняли)?’; *Ёвтака, сёрмавне, мекс сельметь мейгенерть* (С. Люлякина) ‘Скажи-ка, пёстренький, почему [у тебя] глаза косые’; *Ков эцят, ормаза?* (А. Доронин) ‘Куда лезешь, бешеный?’. Имя существительное или субстантивированная часть речи в функции обращения часто выступают с вокативными суффиксами -й, -кай, присоединяемыми к словам, обозначающим дружеские отношения или являющимися терминами родства, свойства: **Омбоцеяк ули кевкстеманок, ялгай** (А. Куторкин) ‘И второй есть [у нас] вопрос, друг’; – Э-э, **оякай, веденть мон кадтнян, зярдо народось уды** (А. Доронин) ‘– Э-э, дружок, воду я ношу, когда народ спит’; – *Ков тонь, эйдякай, ёвтак, сайтядызь?* – / *Кевстни Кастушань тиринь авазо* (А. Шаронов) ‘– Куда тебя, дитяtko, скажи, возьмут? – / Спрашивает Кастушу родная мать’. Редко, но вокативные суффиксы -й, -кай могут встречаться и в составе обращений, обозначающих имена или прозвища людей: – *Берянь куля канды, Карнай* (Т. Раптанов) ‘– Плохая слава о ней ходит (букв.: плохую весть [она] несёт), Карп’; **Кузякай, молевлитькак микинемкудов...** (А. Ганчин) ‘Кузя, сходил бы в магазин...’. Скорее всего, это объясняется тем, что у мордвы не особенно было принято обращаться к взрослым по именам, в большей степени использовались лексемы, обозначающие какие-либо статусные названия (родственные, социальные, служебные, гендерные). Кроме того, многие исконные

имена, особенно мужские, уже содержали в своём составе вокативный суффикс (*Вачай, Латай, Онтай, Тумай, Чемай* и др.). В фольклорных и фольклористических текстах суффиксы *-й, -кай* могут присоединяться и к словам, обозначающим животных, птиц, растения [6], когда они метафоризируются: *Ривезькайне, мекс авардят?..* (С. Люлякина). Иногда в качестве обращений употребляются имена существительные типа *авакай* 'матушка', *тетякай* 'бабушка', *тирякай* 'родненький', 'родненькая', *корьмакай* 'кормилец', 'кормилица' и пр., которые частично уже утратили основное лексическое значение и выступают в функции междометий: *Вай, авакай! Мезть ансяк сон эзь тейне месэ* (А. Мартынов) 'Ох, матушка! Что только он не делал здесь'. В бесподлежащих предложениях (неполных и односоставных) обращение называется деятеля: *Сюпават, покитяй, – мери ваныцясь* (Я. Културкаев) 'Богат [ты], бабушка, – говорит пастух (букв.: смотрящий)'; *Кирдевтеме, цёрынекс теть чачомаль* (Т. Разгуляева) 'Непутёвая, мальчиком бы тебе родиться'. Это сближает его с подлежащим, основной синтаксической функцией которого является наименование производителя действия.

Следует отметить, что, как и члены предложения, обращение может иметь при себе зависимые слова, носить распространённый характер, причём состав распространённых обращений разнообразен (при опорном слове могут встречаться и морфологизированные, и неморфологизированные определения, а также их разновидности – приложения): *Монь уцяскав мода, / Поки уцяскам содак* (Никул Эркай) 'Моя счастливая земля, / О большом [моём] счастье знай'; *Тынь, сизезь молицят, / Озадо столь экшес...* (Никул Эркай) 'Вы, усталые ходоки, / Садитесь за стол...'; *Ратор, тон седейнем, / Седейшкавань церынем, / Тонстеметь зрямось / Верьгизэкс поримем* (Никул Эркай) 'Ратор, ты [моё] сердечко, / Сердечный [мой] сынок, / Без тебя жизнь / Волком сгрызла [меня]'; *Калмом вакска тон ютыця, / Родняк тензэ сюкониця! / Ёвтак Родинантень куля: / Монь маштымим врагонь пуля* (С. Вечканов) 'Мимо могилы [моей] ты проходящий, / Родственником ей кланяющийся! / Передай Родине весть: меня сразила вражеская пуля'.

В качестве обращений могут выступать не только названия одного лица или предмета, но и названия разных лиц или предметов: *Цёрат! Фёдор Фролович! Оно Зубков арды тей кие-бути марто* (А. Мартынов) 'Мужики! Фёдор Фролович! Вон

Зубков едет сюда с кем-то'; *Ледезь тикшень чине, / Леень валдо чама, / Вирень лисьмаприне, / Тыненк капиан само* (Числав Журавлёв) 'Запах скошенного сена, / Светлая поверхность реки, / Лесной родничок, / К вам тороплюсь прийти'.

Целью обращения может быть не только привлечение внимания собеседника, но и выражение отношения к нему говорящего лица, при этом звательная функция заглушается и на первое место выступает оценочность [7]. С помощью этого компонента предложения усиливается эмоциональная выразительность, придаётся речи экспрессивность при выражении радости, доброты, ласки, сочувствие или, напротив, гнева, укора, неодобрения, порицания и пр. С этой целью в функции обращения используются различные лексические и морфологические средства. Прежде всего, непосредственными выразителями симпатий и антипатий становятся экспрессивно-эмоциональные слова, которые, как указывает А. Вежбицкая, обладают национально-культурной семантикой [23; 24]. Отсюда понятна особая роль этой лексики, на основную функцию которой «наслаивается вторая, секундарная функция – функция воздействия на читателя» [5, 13]. Широко распространены слова или словосочетания, содержащие в своей семантике позитивные характеристики: ... *лембе сяткинем, од тейтерькс тонь эзидезь жала тетят-ават* (А. Куторкин) '... тёплая искорка [моя], в девушках тебя не жалели родители'; *Пасиба, превейнем, казить тень нуцька* (Числав Журавлёв) 'Спасибо, умничка (букв.: умненькая), подарила мне внука'. Однако потенциалом для выражения экспрессивности служат и лексемы, источником образования большинства из которых становятся пейоративы. Так, например, Е. А. Цыпанов уверен, что эмоции «наиболее конкретно выражаются лексическими средствами, среди них определённым ядром являются слова-пейоративы» [16, 117]. Часто в функции обращений выступают слова и словосочетания со значением нечисти, бесовщины: *Тон кода а виздят, идемевсь?* (А. Доронин) 'Ты будто и не стесняешься, бес?'; *Лоткак идемевсь левкс! – рангстась цёрыненть лангс тетязо* (А. Куторкин) 'Перестань, бесёнок (букв.: дитя беса), – закричал на мальчика отец'. Бранные слова и словосочетания часто затрагивают личностные качества человека и указывают на его физические: – *Эка, пондо рунго, тондеть весе идем ракшатне тандадыть* (А. Доронин) '– Эге, пудовое тело, от тебя все дикие животные

испугаются' или умственные: *Превтеметь, монь эйтэ мезде пельядо?! (А. Доронин) 'Глупые (букв.: безмозглые), меня почему боитесь?!'* недостатки. Самыми же употребительными являются конструкции, в которых личность человека сравнивается с представителями животного мира. Выражая с их помощью свои чувства, человек пытается обидеть собеседника, унижить его, указывая, с его точки зрения, на умственную неполноценность того: – *Каитмольть, сыре киска! – пижакадсь дяконось (Ф. Чесноков) '– Молчи, старая собака! – закричал дякон'; Азё, сулейдеть пелиця нумоло (А. Куторкин) 'Иди, тени [своей] боящийся заяц'; Кадомак, инегуй! – пижакадсь Эхрем (Ф. Чесноков) '– Оставь [меня], змея! – закричал Эхрем (Ефрем)'; Мезть а эряви лабордат, пидезь варака! (А. Доронин) 'Чего не надо брешешь, варёная ворона'. Иногда идёт сравнение с растениями: ... *ви-тев пурдак, назём панго! (А. Доронин) '... впра-во поворачивай, гриб навозный!' и даже предметами быта: Тон, наксарька илейстэ паргине, мезекс тапик суликанть? (А. Ганчин) 'Ты, из гнилых прутьев корзинка, зачем разбил стекло?'. К средствам выражения эмоционального обращения относятся также словообразовательные суффиксы -не/-нэ, -ка, -ке, создающие в высказывание преимущественно уменьшительно-ласкательные значения: Панжт, гулькинем, панжт, – састо мерсь Никон (А. Доронин) 'Открой, голубка, открой, – тихо сказал Никон'; Кайсек, кайсек, левкскем. / Сизить, паряк, тиринем (Я. Кулдуркаев) 'Раздевайся, раздевайся, дитяtko. / Устала, наверное, родненькая', Шка, цёрка, ломанькс теевемс (А. Доронин) 'Время, сынок, человеком становиться', а также -гарь, -гун, напротив, придающие высказыванию отрицательный оттенок: Пешкединь, нолгарь, тонь лезедеть... (А. Доронин) 'Наелся, сопляк, твоей помощи...'**

Для придания речи экспрессии обращение может повторяться, образуя цепочку: *Пиземне, пиземне, сака тон тей! (И. Кривошеев) 'Дождичек, дождичек, приди-ка ты сюда', при этом часть компонентов часто получает распространение: Вармат, кежей вармат, / Ков тынь пуватадо? (Никул Эркай) 'Ветры, злые ветры, / куда вы дуете?'. Оно может содержать при себе междометия: – *Вай, леляй, леляй, леляй, / Мейсэ келеть вадник?.. (Я. Кулдуркаев) '– Ох, брат (старший), брат (старший), брат (старший), Чем язык намазал?..', а также иметь синонимы: Адыдо, ялган, адыдо, дуган, адыдо, ялгинень-оинень, остатка вень печтямо (М. Евсевьев) 'Идёмте, [мои] подруги,**

идёмте, [мои] сёстры, идёмте, [мои] подруженьки-товарки, последнюю ночь коротать'. Интонационному и семантическому расчленению предложения способствует повтор обращения между членами предложения, что особенно свойственно для поэтических текстов: *Тон иля пува, варма, вирь ёндо, / Иля сыржавто, варма, ашо пельть (К. Абрамов) 'Ты не дуй, ветер, со стороны леса, / Не гоняй, ветер, белые облака'.*

Особую экспрессию речи придаёт употребление нескольких разнообразных обращений (нераспространённых и распространённых) к одному лицу или предмету. Этот приём, являющийся сильным выразительным средством языка, используется для того, чтобы адресат почувствовал особое отношение говорящего к нему. Кроме того, содержание предложения получает расширенную характеристику: *Лембе мештинем, зоря тештинем, – ниреждезь мерсь тейтеренстэнь Ненько, – паряк, аволь мельсэ молят? (А. Куторкин) 'Тёплая грудь [моя], звёздочка зоревая [моя], – рыдая, сказала дочери Ненько (Ненила), – может, не с желанием идёшь?'; Буяннэ, вечкевиксэм, оймак, оймак... (Т. Разгуляева) 'Буянчик, любименький, успокойся, успокойся...'*

Обсуждение и заключение

Таким образом, обращение – это самостоятельный элемент предложения, представляющий собой оригинальную единицу синтаксиса, имеющую специфические семантические и структурные признаки. Оно не связано с членами предложения синтаксическими связями и отношениями и, как было уже сказано выше, может находиться в любом месте предложения, однако как слово или словосочетание, называющее лицо (или предмет), которому адресуется речь, обычно располагается в середине или конце. Обращение, стоящее в начале, чаще выражает значение побуждения.

В структурном отношении обращение может быть одиночным или распространённым. Выбор лексических средств его оформления зависит от характеристики коммуникативной ситуации.

Основой семантики обращения является называние адресата речи, однако целью может стать не только привлечение внимания собеседника, но и выражение отношения к нему говорящего лица, его оценочная характеристика, благодаря которым этот элемент предложения обладает огромным потенциалом для усиления выразительности и образности речи, придания ей эмоциональности.

Список источников и литературы

1. Акишина А. А., Формановская Н. И. Русский речевой этикет. М.: Русский язык, 1983. 181 с.
2. Арискина Т. П., Фомина А. И., Мосин М. В. Особенности употребления неофициальных форм обращений в эрзянском и венгерском языках (на материале эпоса «Масторава») // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 7–16.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
4. Баянова А. Т. Категория обращения и способы его выражения в калмыцком языке (на примере сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2018. Т. 28. № 6. С. 957–971.
5. Вайгла Э. А. Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы её перевода (на русском – эстонском материале): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 18 с.
6. Водясова Л. П., Уткина Т. В. Номинации животных и птиц и их символическое представление в мордовских литературных сказках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 11. С. 238–246.
7. Водясова Л. П., Жиндеева Е. А., Уткина Т. В. Номинативный представления и его эмотивная функция в произведениях мордовских писателей // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 2 (26). С. 105–108.
8. Галлямов Ф. Г. Синтаксическая функция обращения и его связь с предложением // Общественные науки. 2017. № 2–2. С. 126–132.
9. Казакова А. С. Кумыкский императив в функционально-семантическом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. н. Махачкала, 2003. 21 с.
10. Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. Ч. 2. Синтаксис. 327 с.
11. Микушев Р. А. Система побудительных средств в коми языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1992. 18 с.
12. Потехина А. А. Из записок по русской грамматике. Москва: Учпедгиз, 1958. Т. 1. 536 с.
13. Рузанкин Н. И. Обращение как средство выражения эмоциональной оценки в эрзянском языке // Мордовское просветительство: истоки, проблемы, направления развития. Саранск: [б. и.], 1995. С. 57–60.
14. Сибатрова С. С. О происхождении марийских обращений-междометий к свиньям и пороссятам: заимствования из русского языка // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 61–68.
15. Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // Специализированный вестник КрасГУ. 2000. Вып. 11. С. 83–88.
16. Цыпанов Е. А. Эмотиология в коми языкознании: пейоративные слова – названия предметов быта и зооморфизмы // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 1. С. 110–119.
17. Штеллинг Д. А. Целенаправленность речи и категория наклонения // Русский язык за рубежом. 1973. № 3. С. 64–70.
18. Эрзянь кель. Синтаксис / Н. А. Агафонова, Р. А. Алешкина, Г. Ф. Беспалова; под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 208 с.
19. Antonova A. A. Relative terms of address as communicative units in the English language // Journal of Economics and Social Sciences. 2018. № 13 (13). Pp. 95–97.
20. Antonova A. A. Comparative analysis of English and Russian formulas of address in informal communicative situations // Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical and Didactic Researches. 2019. № 3 (26). Pp. 51–60.
21. Kodirova M. T. Classification of addressing forms and their structural principles // Theoretical & Applied Science. 2019. № 12 (80). Pp. 553–556.
22. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the Concept of Safety in the English-Language Media Discourse // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2020. № 9 (2). Pp. 174–180.
23. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction). Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 362 p.
24. Wierzbicka A. Human emotions: Universal or culture specific // American Anthropologist. 1986. Vol. 88. № 3. Pp. 584–594.

References

1. Akishina A. A., Formanovskaya N. I. *Russkij rechevoj etiket* [Russian speech etiquette]. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1983. 181 p. (In Russian)
2. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvističeskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: KomKniga Publ., 2007. 576 p. (In Russian)
3. Ariskina T. P., Fomina A. I., Mosin M. V. *Osobennosti upotrebleniya neoficial'nyh form obrashchenij v erzyanskom i vengerskom yazykah (na materiale eposa «Mastorava»)* [Specific aspects of the use of informal forms of address in Erzya and Hungarian languages (on material of the epos «Mastorava»)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 7 (4), pp. 7–16. (In Russian)
4. Bayanova A. T. *Kategoriya obrashcheniya i sposoby ego vyrazheniya v kalmyckom yazyke (na primere skazok v zapisi G. J. Ramstedta)* [Category of address and methods of its expression in the Kalmyk language (on the example of fairy tales recorded by G. J. Ramstedt)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology], 2018, no. 28 (6), pp. 957–971. (In Russian)
5. Vajgla E. A. *Emocional'naya leksika sovremennogo russkogo yazyka i problemy eyo perevoda (na russkom – estonskom material)* [Emotional vocabulary of the modern Russian language and problems of its translation (in Russian – Estonian materials)]. Moscow: [w/p], 1978. 18 p. (In Russian)

6. Vodyasova L. P., Utkina T. V. *Nominacii zhivotnyh i ptic i ih simbolicheskoe predstavlenie v mordovskih literaturnykh skazkakh* [Nominations of animals and birds and their symbolic representation in Mordovian literary tales]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2012, no. 11, pp. 238–246. (In Russian)
7. Vodyasova L. P., Zhindeeva E. A., Utkina T. V. *Nominativnoye predstavleniye i ego emotivnaya funkciya v proizvedeniyah mordovskikh pisatelej* [The nominative imagination and its emotive function in the works of Mordovian fiction writers]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education], 2016, no. 2 (26), pp. 105–108. (In Russian)
8. Gallyamov F. G. *Sintaksicheskaya funkciya obrashcheniya i ego svyaz's predlozheniem* [The syntactical function of direct address and its relation to the sentence]. *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences], 2017, no. 2 (2), pp. 126–132. (In Russian)
9. Kazakova A. S. *Kumyjskij imperativ v funkcional'no-semanticheskom osveshchenii* [Kumyk imperative in functional and semantic coverage]. Makhachkala: [w/p], 2003. 21 p. (In Russian)
10. Kolyadenkov M. N. *Grammatika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov. Ch. 2. Sintaksis* [Grammar of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages. Part 2. Syntax]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1954. 327 p. (In Russian)
11. Mikushev R. A. *Sistema pobuditel'nykh sredstv v komi yazyke* [The system of hortatory means in the Komi language]. Yoshkar-Ola: [w/p], 1992. 18 p. (In Russian)
12. Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoj grammatike* [From notes on Russian grammar]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. Vol. 1. 536 p. (In Russian)
13. Ruzankin N. I. *Obrashchenie kak sredstvo vyrazheniya emocional'noj ocenki v erzyanskom yazyke* [Address as a mean of expression of emotional assessment in the Erzya language]. *Mordovskoe prosvetitel'stvo: istoki, problemy, napravleniya razvitiya* [Mordovian enlightenment: origins, problems, directions of development]. Saransk: [w/p], 1995. pp. 57–60. (In Russian)
14. Sibatrova S. S. *O proiskhozhdenii marijskikh obrashchenij-mezhdometij k svin'yam i porosyatam: zaimstvovaniya iz russkogo yazyka* [About the origin of the Mari addresses-interjections to pigs and piglets: borrowings from the Russian language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (1), pp. 61–68. (In Russian)
15. Formanovskaya N. I. *Obrashchenie s tochki zreniya kommunikativno-pragmaticheskogo podhoda* [Address from the point of view of a communicative and pragmatic approach]. *Specializirovannyj vestnik KrasGU* [Specialized Bulletin of Krasnoyarsk State University], 2000, no. 11, pp. 83–88. (In Russian)
16. Tsypanov E. A. *Emotivnaya funkciya v komi yazykoznanii: pejorativnye slova – nazvaniya predmetov byta i zoomorfizmy* [Emotivology in Komi linguistics: pejorative words – the names of household items and zoomorphisms]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (1), pp. 110–119. (In Russian)
17. Shtelling D. A. *Celenapravlenost' rechi i kategoriya nakloneniya* [Purposefulness of speech and the category of mood]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 1973, no. 3, pp. 64–70. (In Russian)
18. *Erzyan' kel'.* *Sintaksis.* [Erzya language. Syntax]. N. A. Agafonova, R. A. Aleshkina, G. F. Bespalova. Ed. by D. V. Tsygankin. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2011. 208 p. (In Erzya)
19. Antonova A. A. Relative terms of address as communicative units in the English language. *Journal of Economics and Social Sciences*, 2018, no. 13 (13), pp. 95–97. (In English)
20. Antonova A. A. Comparative analysis of English and Russian formulas of address in informal communicative situations. *Scientific Journal Modern Linguistic and Methodical and Didactic Researches*, 2019, no. 3 (26), pp. 51–60. (In English)
21. Kodirova M. T. Classification of addressing forms and their structural principles. *Theoretical & Applied Science*, 2019, no. 12 (80), pp. 553–556. (In English)
22. Vardanyan L. V., Vodyasova L. P., Kashtanova I. I. Representation of the Concept of Safety in the English-Language Media Discourse. *International Journal of Applied Exercise Physiology*, 2020, no. 9 (2), pp. 174–180. (In English)
23. Wierzbicka A. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals (Studies in Emotion and Social Interaction)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 362 p. (In English)
24. Wierzbicka A. Human emotions: Universal or culture specific. *American Anthropologist*, 1986, no. 88 (3), pp. 584–594. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Водясова Любовь Петровна, профессор кафедры родного языка и литературы, Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева (430007, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Студенческая, д. 11А), доктор филологических наук, профессор.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID.ORG: 0000-0001-6767-6337

ABOUT THE AUTHOR

Vodyasova Lyubov Petrovna, Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseev (430007, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Studencheskaya st., 11A), Doctor of Philological Sciences, Professor.

LVodjasova@yandex.ru

ORCID.ORG: 0000-0001-6767-6337